

ТЕОРИЯ, «ТЕОРИЯ» И ТЕОРИИ ТЕКСТА¹

Статья посвящена анализу проблемного поля общей теории текста и обоснованию предлагаемого варианта ее структуры, включающей онтологию текста, функционирование текста и теорию анализа текста.

Ключевые слова: текст, общая теория текста, частная теория текста, лингвистика текста, модель, предметная область.

В последние годы возрос интерес к изучению текста в разных его аспектах: стилистики текста, лингвистики текста, теории текста [3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 17, 19, 21, 24, 26]. Полипредметное исследование текста позволило высказать на первый взгляд парадоксальное замечание о том, что «на современном этапе развития текста и теории текста первый начинает представлять как более сложный, чем язык, лингвистический объект» [21, с. 21]. Разнообразие подходов к тексту порождает многочисленные варианты его понимания. В зависимости от парадигмальных установок и предметной области изучаемый феномен каждый раз определяется некоторым набором параметров (характеристик, качеств, признаков). Так, даже перечни категорий текста в одной только лингвистике текста непрерывно пополняются. Таким образом, признание текста «исходной данностью» филологических дисциплин и его способ существования (непосредственная данность) обусловили многопредметность изучения и саму сложность концептуального пространства – *научного концепта текста*.

В исследовательском пространстве, возникшем вокруг текста, уже давно осуществляется многопредметное движение, которое, правда, осознается таковым в разной степени. Например, М.Я. Дымарский в монографии, посвященной проблемам текстообразования русского текста, солидаризируется с цитируемым им высказыванием Г.А. Золотовой [11, с. 319] о том, что современная лингвистика «преждевременно поспешает к глобальной теории текста вообще» [9, с. 5]. Далее исследователь противопоставляет лингвистическую модель текста иным моделям, понимая под лингвистическим описанием (анализом, моделью) только то, что формируется в рамках текстообразования (грамматики текста) [там же, с. 24]. С таким утвержде-

нием мы не можем согласиться, поскольку выступаем против всяческих попыток монополизации метода и предмета исследования текста. Подобного рода попытки всегда оборачиваются только одним: отделением лингвистики от нелингвистики и комплексом последствий такого размежевания.

В свете сказанного лингвистическим описанием можно признать не только то, что возникает в рамках знаково-уровневой модели. В очень явном виде элементы неуровневого описания появляются даже в вариантах вузовского лингвистического и филологического анализа текста, несмотря на признание уровневой организации текста (см., например, [6; 14; 15 и др.]).

Уже в самом основании знаково-уровневого описания (в структуральном подходе) текста просматривалось стремление выйти за пределы языковых уровней: «Только отношение всей совокупности художественных элементов на всех уровнях, в их взаимной соотнесенности и в отношении ко всей совокупности внетекстовых элементов и связей может считаться полным описанием структуры данного произведения» [15, с. 215]. Правда, исследователь говорит и о внетекстовых структурах и уровнях (структура жизненного опыта, культуры и пр.), однако очевидно, что установить однозначные иерархии структур (и выделить сами структуры) во внетекстовой действительности представляется делом неосуществимым, что осознавалось в полной мере и сторонниками структурального подхода. Вся проблема сводится к следующему: любая структура есть производная человеческой деятельности, таким образом, и иерархия структур напрямую соотносится с определенной системой деятельности. Но стоит нам изменить деятельность, возникают другие структуры с другими иерархиями. Недаром

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Роснауки (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых докторов МД-2549.2008.6).

в 1980-е гг. в самом структурализме происходит движение в сторону более широкого привлечения контекста, а «структура текста», вбирая в себя «контекст», в конце концов оказывается размыта или разрушена множественностью факторов, действующих в окружающей текст смысловой среде» [8, с. 282].

О необязательной иерархичности текста пишет и Н.В. Халина: «Текст являет собой некоторое живое начало, одну из форм отражения, именно духовную форму, жизни, которая организована в несколько иерархических рядов сподчинительных систем <...> *Причем не все системы связаны между собой именно иерархически* (курсив наш. – К.Б.)» [24, с. 9]. В этой связи приведем мнение В. Хартунга, который пишет: «В последнее время в лингвистике широко распространилось убеждение, что наряду с традиционно выделяемыми фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим структурными уровнями существуют также и другие, которые не могут быть просто включены в иерархию «уровней языковой системы» в качестве дополнительных уровней, но, напротив, лежат «вне» этой системы уровней и иным, по-видимому, более непосредственным образом соотносятся с моментами экстралингвистической действительности» [25, с. 55-56]. А.И. Новиков, анализируя различные подходы к структуре текста, отмечает, что «из-за многоплановости, многоуровневости своей организации текст представляет довольно сложный объект исследования. В нем могут быть выделены различные элементы, используемые в качестве его структурных единиц. Соответственно могут быть определены и различные системы отношений между этими единицами. Это означает, что одному и тому же тексту может быть поставлено в соответствие несколько различных структур» [20, с. 117].

Таким образом, вместо жесткой уровневой модели текста может быть предложена другая модель, которую мы обозначаем пространственной моделью текста. Обращенность к «пространствам» текста и сама *пространственная модель* во многом основываются на представлении о тексте как функциональной системе, отрицающей принцип априорного структурного детерминирования. Заметим, что П.К. Анохин утверждал *онтологическую реальность* функциональных систем [2]. Установление вза-

имосвязей между компонентами текста возникает под действием не абстрактного механизма (например, языка как знаково-уровневого конструкта), а полезного результата (в терминологическом употреблении П.К. Анохина).

Поэтому, на наш взгляд, Б.М. Гаспаров (в своей деятельностной модели) и полагает отсутствие уровневой организации текста, из чего следует, что «анализ (текста. – К.Б.) невозможно построить в виде предварительно регламентированной иерархии механизмов и уровней его структуры. Связи, из которых вырастает смысловая ткань текста, завязываются между многими разными его компонентами, по многим разным направлениям. Эти компоненты могут быть сколь угодно различными по своему объему, характеру, происхождению, наконец, по положению, занимаемому ими как в самом тексте, так и в пропитывающем его поле подразумеваемых и аллюзий. <...> Бессмысленно было бы пытаться как-либо классифицировать все эти компоненты, придать упорядоченность их соотношению друг с другом и порядку их появления в процессе осмысления текста...» [8, с. 300-301]. Высказанная мысль, конечно, не означает отсутствие вообще структурности в самом таком исследовании (заметим, что у Б.М. Гаспарова также существуют единицы анализа), оно лишь выражает идею нерелевантности априорных структур.

Принципы организации текста и виды его модельного представления являются, по нашему мнению, исходными, в них наиболее четко прослеживается понимание онтологии объекта, задающее его первичную онтологическую схему. Конкретные наполнения ее (единицы, категории и пр.) всегда вариативны и не рассматриваются нами в силу их подробного описания в лингвистике и психолингвистике текста. Онтологическая схема объекта составляет ядро системы теоретического знания о нем. Существует разное понимание статуса и структуры общей теории текста. Можно вполне согласиться с тем, что «...статус теории текста в науке (в лингвистике? в филологии?) все еще не стабилизировался, что во многом объясняется пограничным, междисциплинарным характером знаний о тексте» [21, с. 5]. Мы же в понимании статуса теории текста делаем акцент на *теории*, считая, что она должна создаваться именно как теория, а не система представлений или, что

чаще всего в таких случаях происходит, как конгломерат разноприродных, несопоставимых друг с другом впечатлений (концептов). Показательным в этом отношении является изданный в 2003 г. курс лекций по лингвистике текста [23]. Эта интересная работа, совмещающая в себе жанры учебника и монографии, показывает и то, насколько сложно систематизировать концептуальные представления, разрабатываемые в разных системах координат, и то, что в создании общей теории текста должны быть заложены системные требования. Общая теория текста не может иметь вид концепта, именно поэтому необходима работа по ее системному представлению.

Первый вопрос, который возникает при анализе данной предметной области, можно сформулировать так: существует ли теория текста? Вопрос отнюдь не тривиальный, поскольку отсутствует единство мнений даже относительно статуса теории текста. Ср. «Теория текста, несмотря на ее ярко выраженный междисциплинарный характер, обладает «собственным онтологическим статусом» [18, с. 508] (то же см.: [7, с. 8]) и «Исследование единиц текста определило формирование новой отрасли науки о языке, которая получила название «лингвистика текста» или «теория текста»...» [22, с. 3] с нивелированием во втором случае различий между *лингвистикой текста* и *теорией текста*. Позицию А.Ф. Папиной разделяет Н.С. Валгина: «В теории текста еще много дискуссионных вопросов, нерешенных проблем <...> Не установилось и употребление самого термина, названия дисциплины. Изучение текста осуществляется под разными названиями: кроме термина «теория текста», бытуют термины «лингвистика текста», «структура текста», «герменевтика», «грамматика текста», «стилистика текста» [7, с. 8-9]. Отсутствие различий между лингвистической теорией текста и (общей) теорией текста можно отметить и в [3], где *общая и частная лингвистическая теории текста* обозначаются как *общая и частная теории текста*, поскольку мыслятся они авторами как отрасли языковедческой науки [там же, с. 7].

На наш взгляд, несколько шире (как филологическая) теория текста мыслится в работе Т.М. Николаевой: «Теория текста в основном имеет дело с анализом функционирования и соотношения знаков – элементов текста. Одна-

ко в рамках этой теории правомерна постановка вопроса о месте в тексте или совокупностях текстов *понятийных категорий* или отдельных реалий (пространство, время, человек, дом, лес, небо и пр.)...» [18, с. 508] (ср. [19, с. 417]). Понимание теории текста В.Г. Адмони также шире возможностей лингвистического описания объекта. Исследователь говорит о необходимости создания особой области, посвященной изучению текстов во всей их многоаспектности и предлагает два варианта наименования такой дисциплины: «текстоведение и теория текста» [1, с. 208-209]. Аргументируя свой подход, В.Г. Адмони пишет: «Текст – это в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной и коммуникативно-когнитивной практики. Текст строится на речевом материале, но как целое в своем построении обладает собственными закономерностями. Поэтому его анализ не может быть проведен чисто языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами [там же, с. 214-215].

Филологический статус теории текста определяют и авторы [21], поскольку полагают, что «объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста» [там же, с. 21], и исходят из того, что «...в структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста» [там же, с. 23].

В качестве попытки примирения междисциплинарной направленности теории текста с ее лингвистическим толкованием можно рассматривать такое понимание теории текста: «В широком смысле теорию текста можно определить как интеграцию многоаспектных сведений о тексте как объекте изучения разных наук: психологии, философии, социологии, лингвистики, культурологии, прагматики и т. д. Сюда же можно включать стратификацию наук о тексте, определение сферы их влияния и интеграцию полученных знаний о тексте как единице культуры, общения, коммуникации и т. д. В узком смысле к теории текста можно отнести

систему теоретических допущений о сущности, признаках и свойствах текста, его типах, структуре, семантике (содержании) и речевой организации (форме), функциях, особенностях текстообразования и восприятия» [12, с. 7]. Но введение «широкого» и «узкого» смыслов противоречит методологическим стандартам, принятым по отношению к содержанию и структуре теоретического знания, а сведение теории к системе теоретических допущений ставит под сомнение сам ее статус (теория ли?).

«Западные» образцы теории текста большей частью построены как плюралистические, охватывающие лингвистический, литературоведческий и психологический аспекты [27; 28; 29 и др.]. Р. Coirier, D. Gaonac'h, J.-M. Passerault полагают, что в процессе изучения текста необходимо проводить его лингвистическое (языковые маркеры, когезия), психолингвистическое (ключевые слова, фразы) и психологическое (возраст испытуемых) описания. Так, в частности, авторы замечают, что «для того, чтобы облегчить рецепцию текста, читатель опирается на структурные и функциональные маркеры, основной из которых является позиция в тексте (перевод наш. – К.Б.)» [27, р. 180]. В связи с сильным влиянием психологической составляющей в западных исследованиях, посвященных теории текста, ряд ученых говорит о необходимости включения в проблемное поле психологически осмысленных эстетических феноменов (например, *остранения*). На явлении *остранения* построена концепция D.S. Miall, D. Kuiken, которые считают, что теории текста большей частью строились априорно (догматически) и что этап эмпирического изучения текста только начинается. В связи с этим авторы говорят о необходимости исследования связи между «остранением, чувствами и личностными смыслами, поскольку они <...> являются основными в восприятии литературы (перевод наш. – К.Б.)» [29, р. 338].

Обозначенные подходы к определению статуса и задач теории текста свидетельствуют о том, что ее проблемное поле нельзя считать сформированным. В качестве характеристики современного состояния теории текста можно принять следующее суждение: «...необходимо различать работы по теории текста и ту теорию, которая может быть построена на базе этих работ, в свою очередь рассматриваемых как исходный базисный текст» [19, с. 412].

Поскольку еще до конца не оформились представления о том, какой должна быть теория текста, проблема *структуры теории* не подвергалась широкому детальному обсуждению. Возможны, конечно, самые разные подходы к определению структуры теории текста и задач, стоящих перед каждым ее разделом. Одна из первых попыток выявления структуры теории текста исходила из разделения общей и частной теории: «...общая теория текста стремится постичь текст вообще, определить специфические для него категориальные признаки в плане языковедения, тогда как частная теория должна заниматься как особенностями определенных видов текста, так и отдельными правилами их организации» [3, с. 8]. Эта точка зрения принимается и сегодня: «Наряду с общей теорией текста, изучающей универсальные особенности текстов разных типов (их сущность и признаки, законы текстообразования и т. д.), выделяется частная теория текста, которая занимается более узкой проблематикой и ориентирована на изучение текстов какого-либо одного типа (например, художественных)» [12, с. 7].

Другой подход к содержанию теории текста (а значит, и ее разделам) выглядит следующим образом: «Основные направления изучения текста в теории текста таковы: текст в его отношении к говорящему и слушающему; текст как сложный знак; текст в его отношении к действительности и другим текстам; типология текстов» [21, с. 34]. Принцип строения теории здесь определяется системой отношений *текст – среда* (коммуникативная, семиотическая, языковая (текст в кругу других текстов), действительность). Но изучение знаковой природы текста, по нашему мнению, не должно составлять особого раздела теории текста, поскольку семиотическая модель – одна из возможных моделей текста.

Принципы системного описания объекта легли в основу следующего понимания теории текста: «Предметом общей теории текста является текст как цельность, а также текст, вписанный в различные среды. Общая теория текста включает 3 раздела: текстообразование, формирование и функционирование текста. <...> Текстообразование изучает переходы от одного целого предложения к другому, способы объединения отдельных предложений в единицы сверхфразового уровня <...> Теория формооб-

разования дает пространственно-модельное представление целостного вмещающего гештальта, его описание в статических и процессуальных терминах. <...> Функционирование текстов в социуме изучает коммуникативные, стилистические, прагматические и культурологические аспекты общей теории текста» [16, с. 519]. Оформление текстообразования (и формообразования) в особый раздел теории текста вызывает возражение, поскольку в каждом случае монополизируется особый взгляд на текст, на принципы его изучения.

Проблема строения общей теории текста только начинает осознаваться как теоретико-методологическая проблема, поэтому отдельные замечания (кроме уже высказанных) о том, какой должна быть такая теория, мы оставляем без обсуждения. Здесь же, на основании всего сказанного, представим свой вариант ее структуры. В структуру общей теории текста должно войти три раздела: онтология текста, функционирование текста и теория анализа текста.

Онтология текста объединяет исследования (языковедческие, психологические, философские и др.), направленные на выяснение сущностных качеств текста. Текст как материально-идеально-социальный феномен как бы помещается в соответствующую систему координат: материальное, идеальное, социальное. В данной системе выводятся первичные атрибуты текста, устанавливаются их связи друг с другом. Сама система координат может быть заменена другими, более частными системами, например, физические параметры – семантика (информация) – деятельность (функциональность) и пр. Содержанием этого раздела общей теории текста будут являться онтологические схемы, созданные в рамках каждого отдельного типа описания. В онтологические схемы должны включаться только такие компоненты, которые могут быть приписаны именно тексту, а не среде (хотя среда зачастую и дает возможность существования и выявления этих компонентов).

Функционирование текста изучает бытование текста в социуме и культуре: типы текстов, порождение и рецепция текстов в разных коммуникативных ситуациях и др. Текст, будучи помещен в разные среды, инициирует действие средовых факторов. Параметры среды, а также параметры, возникающие на пересечении текста и среды, входящие в создаваемые схемы функционирования, – все это и составляет содержание данного раздела общей теории текста.

И, наконец, *теория анализа текста* ведет комплексом теоретико-методологических проблем, связанных и с онтологией, и с функционированием, и с типами модельных описаний текста. Теория анализа текста вырастает из двух областей: анализа текста в разных его видах и типов описания текста. В основе теории анализа текста покоится синтез системного и деятельностного подходов, благодаря которому все понятия, алгоритмы, схемы и пр., применяемые в моделях текста, должны быть исследованы на предмет того, что мы делаем, когда пользуемся тем или иным понятием, схемой, алгоритмом. Системнодеятельностная реконструкция понятий, схем, алгоритмов и др. позволит выработать системы соотнесения разных терминосистем, а также создать некоторый необходимый и достаточный минимум теоретических конструктов. Операциональные схемы должны быть максимально понятными и свободными от многозначности. Таким образом, если содержание онтологии и функционирования текста составляют конкретные модели, то теория анализа включает в себя деятельностные схемы, в рамках которых и были созданы данные модели, а также специальный теоретико-методологический блок (ядро теории анализа текста), с помощью которого сами эти схемы детально исследуются и сопоставляются. Онтология текста являет собой фундаментальную область, и этот статус создает предпосылки для одновременного сосуществования разных типов ее описания (проблемы верификации видов описания, как, впрочем, и сами эти виды, исследуются в теории анализа текста).

Список использованной литературы:

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони; отв. ред. В.М. Павлов. – Л.: Наука, 1988. – 240 с.
2. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избр. труды / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
3. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
4. Белоусов, К.И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография [Текст] / К.И. Белоусов. – М.: Эдиториал УРСС, 2008. – 248 с.

5. Болотнова, Н.С. Основы теории текста / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.
6. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – Ч. I: пособие для филологов. – 129 с.
7. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
8. Гаспаров, Б.М. Послесловие. Структура текста и культурный контекст / Б.М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – С. 274-303.
9. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. / М.Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
10. Залевская, А.А. Текст и его понимание: Монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
11. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова; отв. ред. Ю.В. Рождественский. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
12. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова [и др.]; под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 331 с.
13. Кубрякова, Е.С. Текст и его понимание / Е.С. Кубрякова. // Русский текст. – 1994. – №2. – С. 18-27.
14. Купина, Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие / Н.А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
15. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с.
16. Москальчук, Г.Г. Теория формообразования текста / Г.Г. Москальчук // Язык. Время. Личность: материалы Междунар. науч. конф., 3-5 декабря 2002 г., Омск / под ред. Л.О. Бутаковой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – С. 517-524.
17. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 296 с.
18. Николаева, Т.М. Теория текста / Т.М. Николаева // Языкознание: большой энциклоп. сл. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклоп., 1998. – С. 508.
19. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
20. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
21. Основы теории текста: учеб. пособие / Ю.Н. Земская [и др.]; под общ. ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 181 с.
22. Пашина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Пашина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 368 с.
23. Филиппов, К.А. Лингвистика текста. Курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 336 с.
24. Халина, Н.В. Феноменологический анализ текста Василия Шукшина: монография / Н.В. Халина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 134 с.
25. Хартунг, В. Деятельностный подход в лингвистике: результаты, границы, перспективы / В. Хартунг // Общение. Текст. Высказывание / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1989. – С. 41-55.
26. Шаховский, В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология) / В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева; науч. ред. А.М. Шахнарович. – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.
27. Coirier, P. Psycholinguistique textuelle. Une approche cognitive de la comprehension et de la production des textes / P. Coirier, D. Gaonac'h, J.-M. Passerault. – Paris: Armand Colin, 1996. – 297 p.
28. Greetham, D.C. Theories of the Text / D.C. Greetham. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 592 p.
29. Miall, D.S. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response / D.S. Miall, D. Kuiken // Discourse Processes. – 1994. – №17. – p. 337-352.

Belousov K.I.

Theory, «theory» and theory of text 1

This article is devoted to the analysis of problem field of common text theory and basis of presumptive variant of its structure, including text ontology, text functioning and theory of text analysis.

Key words: text, common text theory, particular text theory, text linguistics, model, subject sphere.

Сведения об авторе: Белоусов Константин Игоревич, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук. 460018, г. Оренбург пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372437, 89198594509, e-mail: konbel@mail.ru